

Виктор Бакэу

Русские истории ужасов

Сборник

Виктор Бакэу

Русские истории ужасов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39855273

ISBN 9785449601940

Аннотация

В нашей стране, как известно, крайне мало замков с привидениями, зато памятников советской эпохе полно. И такими памятниками в том числе можно считать квартиры, типовухи, в которых прошло детство целого поколения или нескольких поколений. Сталинки, хрущевки, мрачные хмурые пятиэтажки, построенные в девяностые. Вот в таких домах, хмурых «замках» советских и перестроечных эпох, в нашей стране и обитают призраки.

Содержание

Городские Байки	5
Мертвая Вода	5
Вувер-кува	42
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Русские истории ужасов

Виктор Бакэу

© Виктор Бакэу, 2018

ISBN 978-5-4496-0194-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Городские Байки

Мертвая Вода

Так уж сложилось, что духи и призраки живут в старых домах.

Дом не обязательно должен быть заброшенным, но старым – однозначно. Все эти новостройки, навороченные модные квартиры с суперсовременным ремонтом – все они, конечно, здорово выглядят. Но в таких вот новостройках как будто чего-то не хватает... Или я просто привык жить только в захудалых съёмных квартирах.

В нашей стране, как известно, крайне мало замков с привидениями, зато памятников советской эпохе полно. И такими памятниками в том числе можно считать квартиры, типовухи, в которых прошло детство целого поколения или нескольких поколений. Сталинки, хрущевки, мрачные хмурые пятиэтажки, построенные в девяностые. На них посмотришь пасмурным утром – и на душе отчего-то становится погано... А ещё кто-то до сих пор живет в деревянных двухэтажных бараках, надеясь, что когда-нибудь их расселят.

Да, в наше время ещё стоят бараки и в них живут люди. Я даже как-то жил в одном из таких.

Вот в таких домах, хмурых «замках» советских и перестроечных эпох, в нашей стране и обитают призраки.

Мне всегда «везло» на съёмные квартиры.

В этом переезде, как и в этом доме, мне не нравилось почти всё, кроме цены.

Дом был старым и сумрачным, квартира – полная разруха, как и положено дешёвой квартире в старом доме. Пожилые соседи оказались неразговорчивы и смотрели на меня, словно злые волки.

Бабушки на лавке – ну как же без них! Обязательное приложение к старым типовым домам. Они вовсе необязательно злые, но мне, насколько помню, всегда было трудно найти с ними общий язык.

Несколько бабулек и один дед – они сидели на лавке у подъезда и наблюдали за тем, как мы с другом таскаем мои вещи наверх, в квартиру, из маленького ржавого «Бычка». За пятнадцать минут нас успели разглядеть и обсудить. Они

перемывали нам кости, не заботясь о том, что мы можем услышать.

– Этот тощий какой-то, глаза запали – не жрёт ничего, наверное... токо пьет! – это, видимо, было обо мне.

– А этот-то жирный, как кабан, жрёт-то наверное сколько!
С другом бы хоть поделился, – это было о моем приятеле.

Услышав это за своей спиной, он остановился и шумно выдохнул, собирая в кулак крохи своего терпения.

– Ещё немного, и я всю эту пенсию здесь разгоню нафиг!

– Да ладно тебе, забей. Я у них вообще алкаш.

– И какого хрена они сплетничают?

– Мне с ними ещё жить в одном доме, так что не бузи.

Вещей у меня было совсем немного, и все же, пока мы таскали – успели накосячить.

Я задел краем коробки чью-то дверь, и – как-то неловко все получилось – меня занесло, и я чуть было не рухнул на эту самую дверь.

Не то чтобы это произвело много шума, но несколько секунд спустя дверь открылась и мне окатили отборным матом, за то что я чуть было не «испортил дверь».

Так бывает – пожилие люди всего бояться и любят напри-

думывать себе лишнего. Пожилая женщина с первого этажа решила, что я поцарапал ей дверь, обхаяла меня на чем свет стоит, и не успел я сказать что-то в ответ, захлопнула дверь перед моим носом.

Конфликт закончился не успев начаться, но я уже ненавидел эту женщину, и этих стариков, что тут же принялись обсуждать меня за спиной.

Мой друг, кажется что-то сказал этой сварливой стае на лавке и тут же получил в свой адрес порцию ругани.

– Слушай, ну и «пенсия» у тебя здесь. Соседи, блин... – сказал мой друг, когда мы занесли последние коробки.

Его родители умерли очень рано, так что он понятия не имел, как общаться с этой самой «пенсией».

Было слышно, как на там, во дворе сплетничают мои новые соседи.

– Тот то, который толстый – совсем охамел, зажрался!

– А этот «стручок», наркоман который, на ногах едва держится – тоже ненормальный какой-то. Точно нам нормальной жизни с ним не будет. По скорей бы съехал отсюда.

Мы с другом переглянулись, попрощались, и я закрыл

дверь. «Бычок» на улице шумно завелся, заглушая старческие голоса, и уехал.

Квартира была – полный атас.

Здесь не было ремонта лет двадцать, если не больше. Старый-престарый скрипучий деревянный пол, выкрашенный краской цвета детской неожиданности. Выцветшие, местами пожелтевшие обои, старая коричневая полированная стенка, полная советского хрусталя. Такую мебель мои родители называли не иначе, как «полированный гроб».

Вместо нормальной кровати у меня теперь была солдатская койка, которую хозяин, по всей видимости, стащил, пока служил в местной военной части.

Когда я в первый раз приехал смотреть эту квартиру, так и подмывало сказать хозяину – «Ты вообще в курсе, что Советский Союз закончился?».

Хозяин этой квартиры выглядел так, будто долго и тяжело болел. Алкоголизмом. Он страдал от этого, но, судя по всему, не в силах был прекратить свои страдания.

– А что во второй комнате? – спросил я, когда он загово-

рил о цене.

Да, квартира на самом деле была двухкомнатная, хотя я искал однушку, чтобы подешевле.

Хозяин, чьё лицо напоминало сморщенное запечённое яблоко, отмахнулся от меня.

– Эта комната заперта. Ты в ней жить не будешь. Я потому и сдаю как однушку, потому что вторая комната закрыта.

– А что там?

– Хлам всякий старый.

Прямо как в дешёвых детективных сериалах – хозяин что-то недоговаривал и плохо это скрывал.

– Без проблем – сказал я. – Но, конечно, я имею право знать, что там. Вдруг у вас там тонна кокаина хранится, и через пару дней меня менты примут, типа я храню наркотики. Или может, вы там трупы прячете. Открывайте – показывайте, что там, и запирайте снова. Мне вторая комната не нужна.

Хозяин посмотрел на меня и поморщился с таким видом, словно у него защемило седалищный нерв. Он помялся на одном месте, будто не желая отвечать.

– Показывайте, что в комнате. Или я уйду.

Он не хотел открывать комнату. Но и деньги ему были нужны. Он не мог сдать эту квартиру почти полгода. Он выглядел как оборванец. Больной, старый оборванец.

– Ладно – наконец говорит он. Запинается, как будто хочет ещё что-то сказать, но затем выдавливает из себя ещё одно «ладно», и мы подходим к комнате.

Она, оказывается, заперта аж на три замка. Как только хозяин открывает дверь, я чувствую, что меня сейчас стошнит, настолько спёртый воздух был в комнате. Там ещё больше старого хлама, чем во всей остальной квартире. Там бардак. Старый сервант, покрытый толстым слоем пыли. Огромное зеркало, которое всё поплыло и покрылось кое-где чёрной плесенью. На полках множество книг. Судя по датам на корешках и названиям – им лет по пятьдесят. В каких-то старых чёрных тюках – почти истлевшая одежда. Вещи в этой комнате умирали от старости. Буквально всё здесь пропахло пылью, плесенью и трухлявой древесиной. Так пахнет прошлое, с которым болезненно не хотят расставаться.

Ближе к окну находился стол, на нем – зелёная лампа сталинских времён и несколько фотоальбомов в бархатной обложке. У меня в семье тоже такие были.

Я открыл один из из них, и по спине у меня вдруг побежали мурашки. На первых картонных страницах были вклеены жёлто-чёрные фото мужчины в военной форме. Рядом – фото семьи.

Если кто помнит, какими были старые советские фотографии, тот поймёт, что их все объединяет. Не только скромность и даже некоторая мрачность в одежде (в те времена нашим родителям было не разгуляться), но и одна особенная черта – на советских фотографиях люди очень редко улыбались. Даже дети.

Но фотография, на которую я смотрел, была не просто мрачная, она была жуткая. У этого человека были какие-то злые глаза. Взгляд был острый, так что даже с фотографии он вызывал неприязнь.

– Нечего там глядеть! – вдруг встрепенулся хозяин квартиры, заметив, что я полез разглядывать чужие фото.

Мне стало стыдно и не по себе.

Я отвернулся от стола и спросил:

– Что ж вы не выкинете хлам? Старьё все это?..

– Это осталось от моего деда. – Хозяин замаялся. – Суровый был человек. У меня рука не поднимается всё это выки-

нуть. Он бы не обрадовался.

– Но всё это просто плесневеет под слоем пыли. Как-то неуважительно получается. Оставил бы фотографии, оцифровал бы на всякий случай, ну? Ну пару каких-то ценных вещей, реликвий оставить. У меня вот от деда часы остались командирские и позолоченная ручка – подарок от завода. Я храню. И вы так сделайте – всё остальное выкинуть пора.

Хозяин снова мнётся.

– У меня не получается. Я пытался – не могу. В общем, всё, хватит. Посмотрел? Теперь закрываем.

И мы закрыли комнату.

Я передал деньги, он отдал мне ключи от квартиры. Когда уходил, обернулся на эту самую закрытую комнату и поднял руку в таком жесте, словно собирался перекрестить дверь. Но, заметив, что я наблюдаю за ним, стушевался и торопливо ушёл.

Мне было всё равно. Когда я заехал – то даже не посмотрел на эту дверь. Мне было всё равно, что рядом с моей кроватью, через стену – комната, полная старья. Да, пожалуй, там хранились жуткие фотки. Но это всего лишь фото. Старые фотографии и люди на них часто кажутся нам странными.

Я разложил вещи, застелил постель, разместил свой ноутбук на полированной чёрном столе.

Достал свою кружку и чайник – заварил чай. Сделал несколько бутербродов и сел обедать.

И впервые за целый день немного расслабился.

Спал я в ту ночь плохо.

Через каждые пару часов просыпался, не мог нормально улечься. Когда просыпался – голова начинала болеть и гудеть. Подушка была словно каменная. Вот так всегда, когда нужно выспаться перед работой!

Я просыпался весь в поту, чувствуя, как нарастает головная боль. Потом переворачивался на другой бок и снова с трудом засыпал – будто тяжело погружался в какую-то густую чёрную жижу.

Соседи справа то говорили о чем-то, то грохотали посудой, а может, бутылками. Соседи слева то шуршали, то переговаривались, то зачем-то двигали мебель. Посреди ночи.

Сквозь сон мне казалось, что я слышу каждый шаг в чужой квартире и каждый скрип старых-престарых полурассохшихся стульев и половиц.

Снова проснувшись, я отбросил одеяло, перевернул мокрую от пота подушку и стал просто лежать, прислушиваясь к звукам.

Даже если шумные соседи раздражают тебя очень сильно, в какой-то момент все эти звуки, шорохи, шёпот и крики, звон посуды, скрип половиц становятся просто фоном, и ты уже не замечаешь, из какой квартиры что слышно. Это просто шум, и с ним приходится смириться. Как сейчас.

Голова у меня раскалывалась, словно орешек, помещённый в орехокол, – скорлупа вот-вот поддастся.

Шырх-Шырх. Шырх-шырх. Чьи-то шаги за стеной. Мой сосед слева приволакивал ногу при ходьбе.

Стоп.

Это не мой сосед слева.

Это вообще не мои соседи!

Откуда этот звук?

Я вскочил на постели и стал внимательно прислушиваться. Солдатская койка подо мной жалобно застонала. Странный звук шагов стих.

Эти шаги – похоже, галлюцинация? Перепутал? Из-за того, что устал и головная боль? В какой-то момент мне показалось, будто кто-то шагал в запертой комнате.

Я снова лёг, накрылся одеялом и сложил руки на груди. Словно сам для себя притворился, что сплю – и прислушался к тому, что происходит в соседней комнате.

И отчего-то мне показалось, что там – в той комнате, тоже кто-то притих, чтобы не выдавать себя.

«Бред, конечно, полный бред, – подумал я и перевернулся на другой бок. – Фигня полная. Отдохнуть надо мне. Выспаться».

На следующее утро, как ни странно, я действительно выспался. Нормально встал по будильнику, выпил кофе, позавтракал и пошёл на работу. Ничего странного или необычного, даже наоборот – всё было очень хорошо.

С утра позвонил начальник, сказал, куда заехать – договориться с новым клиентом. Начальник у нас нормальный. Он понимал, конечно, что у меня трудности и деньги нужны, – и иногда сам подгонял мне клиентов, чтобы процент у меня выходил побольше.

Так что утром, приняв звонок от шефа, я собирался с отличным настроением.

А когда вышел из подъезда – как-то сразу сник. Рядом со входом в подъезд стояла прислонённая к стене крышка гроба. Красный бархат, крест по всю крышку.

На кресте, как положено, маленькая табличка с именем. Но я бы все равно не понял, кто именно из местных старушек преставилась.

На лавке снова было собрание – несколько бабок и дед. Они все смотрели на меня так, будто это из-за меня сегодня ночью приехал ритуальный ПАЗик. Только я поздоровался и хотел было пройти мимо них, как крайняя старушка зацепила меня костлявой рукой.

– Из-за тебя, ирода, она померла. Гад!

– Вы что такое говорите?.. Я никого здесь вообще не трогал!

– Из-за тебя у неё сердце вчера не выдержало. Чтоб тебе сгинуть.

Она говорила это ровным и спокойным тоном. Она смотрела мне в глаза.

– Сердце у неё было слабое, а я-то тут причём?

Ещё раз посмотрел на крышку гроба, я пошёл прочь. Настроение было окончательно испоганено.

Домой я пришёл поздно. За день пришлось объехать полгорода, так что – сразу в душ, потом ужин (приготовленный в микроволновке) и постель. Наконец-то постель.

Засыпая, я посмотрел в сторону закрытой комнаты и мысленно отмахнулся. Сегодня мне было абсолютно без разницы – хоть бы даже соседи шумели прямо у меня над ухом. Мне нужно было спать, и я сам не заметил, как уснул.

Мне снился наш дом, будто я вижу, как соседи снизу разливают водку по рюмкам на маленькой кухне. Все они – пожилые люди. Кто-то просто выглядит грустным, кто-то вытирает слёзы. Одна из женщин наливает полстопарика водки, кладет сверху на стопарик ломоть чёрного хлеба и уносит всё это в другую комнату.

В соседней комнате на большом столе стоит гроб. И мне сразу становится ясно, кто лежит в этом гробу.

Весь сон – как смешение серых теней. В какой-то момент всё чётко, словно бы ты видишь это перед собой, и в следующую секунду всё плывет и смешивается. Люди, тени, стены и двери.

Кажется, я снова ворочался во сне и не мог удобно лечь.

Но вот я снова вижу нижние квартиры, и эту самую женщину, которая умерла. Она стоит и я вижу ее со спины и краем сознания думаю – почему она стоит? она же умерла!

Я не вижу её лица и внутренне радуюсь этому. Не хочу, чтобы она видела меня, не хочу смотреть ей в глаза. У меня по всему телу холод при мысли, что она повернётся и увидит меня.

Она идёт мимо собственного гроба, мимо кухни, где собрались люди, чтобы помянуть её. Она идёт в ванную комнату, зачем-то достает какой-то старый эмалированный ковшик и набирает в него воды. Она выходит из квартиры всё тем же шаркающим шагом, как при жизни. Стучится в квартиру напротив.

Я пытаюсь напомнить себе, что это только сон. Не могу вырваться, но какой-то кусочек моего сознания, который так и не уснул, говорит мне, кричит мне – это сон! Выбирайся

оттуда, просыпайся!

Квартира напротив открывается – и я вижу там ещё одну пожилую соседку, у которой глаза на лоб лезут от страха.

Покойница молча протягивает ей ковшик с водой.

– Уходи! Мне не надо! Уходи! – соседка сначала шепчет, будто сорвала голос, но затем переходит на крик. Она кричит, буквально вопит: «Уходи!»

Я проснулся от того, что кто-то кричал. Опять соседи, то ли снизу, то ли сверху.

Снизу раздался шум и гул – уронили что-то тяжёлое.

В следующую секунду в запертой комнате раздаётся грохот, и я подскакиваю на постели.

Встаю, подхожу к двери, прижимаюсь к ней ухом и прислушиваюсь.

В комнате тишина.

А вот у соседей внизу какой-то кипеж: они всё ещё что-то кричат.

Только наутро я узнал, что случилось. Когда вышел из подъезда – рядом с дверью снова была крышка гроба. Тот же красный бархат – значит, снова женщина. На табличке другое имя.

На лавке сидел только один дедок.

Вид у меня, наверное, был растерянным и, скорее всего, испуганным. Дед посмотрел на меня едва ли не с участием.

– Утро доброе, – говорю ему, потому, что просто не знаю, что сказать. Он мне кивает.

– Ага.

– Чё ж такое случилось опять?

– Баба Лида умерла, – говорит старик. Он смотрит на меня, а затем коричневой старческой рукой похлопывает по лавке рядом с собой. Мол, садись.

И я решил присесть буквально на минуту.

– Как тебе квартирка твоя? – тут же начал дед. К мне он больше не поворачивался, смотрел как бы перед собой.

– Нормально квартирка – я пожал плечами. Мол, все в порядке, ничего не знаю.

– А чё, Иван-то дедовы вещи выбросил?

Во те на. Они здесь все друг про друга знают, старики в этом доме.

– Нет, – говорю, – не выкинул. Оставил в смежной комнате, а комнату запер.

Дедок кивнул мне в ответ.

– Все ясно.

– А почему вы спросили?

– А там, в этой квартире никто теперь долго не живет. Месяц поживут и съезжают.

– Почему так?

Дед каждый раз немного задумывался, прежде чем ответить.

– Там нехороший человек жил.

– Ну... и что? Много где нехорошие люди живут.

– Он говорят, детей мучил. Да так и не сел за это. Но мы все знали, что это он был. Иван его всю жизнь боялся. Наверное, было за что.

– А вы прям уверены, что вот мучил он кого-то?

Дед кивнул.

– Все слышали, как Иван маленький был, а дед его «воспитывал», издевался.

– А чего же не остановили-то?..

В ответ молчание.

– Там хрень какая-то с этой комнатой, – наконец сказал я. И дед тут же оживился.

– Ты уезжай отсюда лучше. Зря заехал. Здесь никто долго не остается, вишь! Это потому что дед его так и остался в той комнате.

– Что, типа тело, что ли? – сказал я, и у меня самого мороз по коже пошёл.

– Ты дурак? Душа его осталась.

– Ах, это... Слушайте, а что с бабой Лидой-то случилось?

– Так сердечный приступ. Ночью, – вздохнул дед. – С ней сын и внучка были. Говорят, ей приснилось что-то. Будто к ней Зоя пришла. А та ей все говорит: «Уходи, уходи от меня! Ничего мне не надо! Уходи!». Так и померла во сне. От испуга.

Идти домой в тот вечер мне не хотелось.

Я даже поужинал в кафе с другом, мы выпили по кружке пива. «Домой», то есть на съёмную квартиру идти не хотелось. Мы с другом болтали, и я всё заводил новые разговоры, о чём угодно. Мой друг – он же мой коллега, тот самый, что помог мне с переездом, и вообще очень хороший мужик –

вдруг сам стал расспрашивать, как мне на новом месте. Он имел полное право спросить, ведь он помогал мне с переездом раз уже, кажется, в четвёртый. И всё как-то у меня не задавалось.

Я рассказал всё, кроме разве что смертей двух старушек практически сразу после моего переезда. И не сказал о том, что у этой квартиры дурная слава.

А вот то, что есть вторая комната и она заперта – рассказал. Мы ещё вместе посмеялись над тем, как пропитый хозяин, вместо того, чтобы выкинуть хлам и сделать ремонт, хранит кучу старых и странных вещей.

И тут как-то неожиданно разговор зашёл обо мне самом. Друг у меня ничего не забывал из того, что я ему говорил, даже если это было несколько лет назад.

– У тебя же дом был в деревне, от родителей остался. Ты сам говорил.

– Он у меня и есть, – я пожал плечами. – Стоит себе. А что?

– Продай его нахрен! Купи квартиру.

– В ипотеку?

В то время я посмеивался над всеми, кто эту самую ипотеку брал. Однако мой друг был прав.

– На половину квартиры тебе точно хватит. А там ипотеку возьмёшь лет на пять-десять, а что такого? Не так уж это и много. В твоём положении не так уж это и страшно. Зато в своей квартире жить будешь.

– «Зато в своей» – вы все так говорите, а потом лапу со-сете.

– Так тебе этот дом не нужен. Он у тебя стоит и стареет, и ценность у него падает. Хорошо, хоть земля под ним твоя.

– Ты понимаешь, этот дом...

Я хотел было сказать «этот дом – это память», и тут мне вспомнился хозяин квартиры, которую я теперь снимал, и мне стало не по себе. Перед самим собой как-то неудобно стало.

Ну не мог я продать этот дом, который мне от родителей остался.

Там, на самом деле, даже старых вещей не было. Просто чистенький старенький бревенчатый домик. Наша маленькая дача. Родителям он был, конечно, дорог, но отец сам перед смертью сказал мне – продавай и не жалей.

И всё же я не мог. Мне было неприятно даже думать о нём, не то, что ехать кому-то показывать, выставлять на продажу.

– Я понимаю – память. Но тебе жить-то надо сейчас! У меня вот тоже от отца много чего осталось. Часы вот, командирские. Ему на службе подарили. Я их храню. А дом на тво-

ём месте продал бы.

После этого разговора, посидев ещё пару минут, мы разошлись по домам.

Был глубокий вечер, когда я вернулся на свою съёмную хату.

Крышки гроба у подъезда уже не было. Я поднимался в квартиру и невольно подумал о том, не умрёт ли здесь сегодня ещё кто-нибудь.

Когда зашёл в квартиру и прислушался к тишине – то окончательно понял, что не хочу здесь оставаться. Я разделся, приготовил себе постель, завёл будильник, собрался было лечь.

Не удержался и подошёл к двери запертой комнаты. Приложился ухом, прислушался – там тишина, конечно. Попробовал дверь на прочность – заперта.

«Ладно, – сказал я себе. – Так уж и быть, я ложусь спать.»

Я лёг и долго ворочался – уснуть не получилось.

Всё дело было в том доме. Я вспоминал дом своих родителей.

Обычный деревенский домик, и вокруг такие же. Я не любил оставаться там, когда я был ребёнком. В этом доме умер мой дед, и всё то время, что я там жил, мне казалось, что я слышу чьи-то шаги, и как под этими шагами проседают половицы. Я иногда чувствовал, что кто-то на меня смотрит, хотя я в комнате был один. Казалось, кто-то затаил дыхание, чтобы остаться незамеченным и наблюдать за мной из укромного места.

Поганое чувство, что за тобой наблюдают, а ты не знаешь, кто.

Иногда, засыпая ночью в своей кровати, я слушал, как храпит отец, обнимающий мать в соседней комнате. И в эти минуты, когда все в доме спали, в сенях кто-то или что-то неторопливо ходило из угла в угол. Я накрывался одеялом с головой и всё слушал и слушал, пока звук не прекращался. Иногда мне казалось, что шаги раздавались не только в сенях, но и по всему дому. И иногда эти шаги останавливались точно у моей двери. И в эти моменты мне казалось, что я вот-вот сойду с ума от страха.

Я не рассказывал об этом родителям. Я считал, что они не поверят мне и решат, что меня надо лечить. Единствен-

ные, кому я рассказывал об этом, были такие же дети, как и я.

Мы с пацанами с округи любили собираться у кого-нибудь во дворе или доме и рассказывать страшилки. Ночью, в темноте – с одним фонариком, или у кого-нибудь во дворе, у маленького костра. Мы любили щекотать друг другу нервы. Представлять, что всё то, о чем мы рассказываем, было на самом деле. Мы не верили почти ничему из того, что слышали, но нам нравилось думать, что вся эта нечисть существует рядом. Нам нравилось бояться. И вот это ощущение, когда от страха у тебя на спине волоски дыбом встают и внутри все холодеет – нам это тоже нравилось. Адреналин, одним словом.

Мы любили слушать страшные истории, пусть некоторые из них мы слышали уже по нескольку раз. Конечно, я рассказывал и свою историю, но самая страшная была о том, как у моего соседа едва не сошла с ума старшая сестра.

Сосед мой был меня старше на два года, а мне тогда было девять. Его сестре – пятнадцать. Они с сестрой, как и я, жили в городе и в деревню приезжали только на лето. В городе с ними однажды произошёл такой случай: родители уехали куда-то с ночёвкой, оставив их одних. У сестры, как у стар-

шей, обязательно был собственный ключ – ещё и на случай того, что родители, возвращаясь с гулянки, потеряют свой.

Мой приятель с сестрой засиделись допоздна. Было уже полвторого ночи, когда они собрались лечь спать, как в дверь раздался звонок. Сестра, так как её оставили за старшую, решила проверить, кто за дверью. Тихонько прошла на цыпочках в прихожую и попыталась включить свет – выключатель не работал.

– Наверное, какой-нибудь пьяный сосед не туда забрел, – сказала она.

Когда она посмотрела в глазок, то увидела молодого парня, который смотрел прямо на неё; он как будто бы понял, что с той стороны кто-то открыл ширму дверного глазка.

– Откройте, пожалуйста! – из-за двери послышался тихий, но уверенный, спокойный голос.

Мой приятель был ребёнком, но не из робких.

– Кто это?

Сестра пожала плечами.

– Пацан какой-то. Впервые вижу!

– Мы же не будем открывать?

– Нет, конечно, ты что! – заверила сестра.

В этот момент в дверь постучались. Тихо, но настойчиво. У обоих детей мурашки побежали по коже. Это была первая волна страха.

– Откройте, пожалуйста!

Сестра подала знак, мол, «молчи, ничего не говори».

Они ушли в свою комнату и договорились сделать вид, что в квартире никого нет. А если это воры, и кто-то начнёт ломиться в квартиру, то они быстро вызовут милицию.

Они просидели в комнате несколько минут, трясась от страха и не решаясь снова подойти к двери.

Через несколько минут в дверь снова позвонили. Сестра снова подошла к глазку.

На этот раз за дверью была девушка. Снова раздался голос, на этот раз девичий, но создавалось впечатление, что он, вроде как, такой же, как и в прошлый раз. Что-то с этим голосом было не так.

– Откройте, пожалуйста.

Через несколько минут молчания в дверь постучали.

– Откройте!

Кто был ни был за дверью, он дёрнул ручку двери с такой силой, что дети вздрогнули от неожиданности. В дверь заколотили так, будто собирались её выбить.

– Откройте мне дверь! ОТКРОЙТЕ МНЕ ДВЕРЬ! – голос

за дверью, срывался, становясь то мужским, то женским, то каким-то сумасшедшим рычанием.

Мой приятель не выдержал первый.

– Мы никому не откроем, кроме папы с мамой! – он закричал так, что в квартире зазвенели стекла, и стук в дверь тут же прекратился.

Его сестра испуганно зажала ему рот.

– Молчи, пожалуйста, молчи!

Она побежала в комнату за своим телефоном и стала набирать номер матери.

Взяли только гудка с пятого – отец.

– Пап, мам, к нам ломятся какие-то люди, мы с Тёмкой очень боимся!

Отец что-то неразборчиво говорил в трубку.

– Пап, я серьёзно, их двое, мужчина и женщина, и они сейчас ломались к нам, они дверь выламывали! Пап, позвони в полицию! Я не звоню, потому что... потому что вдруг они мне не поверят!

Сестра почти плакала. Сонный отец говорил что-то про то, что если бы всё было всерьез, то дети бы сами позвонили в полицию. Но кому в первую очередь звонят испуганные дети? Естественно, родителям.

– Пап, когда вы приедете, а? Я знаю, что утром! Когда именно утром? А сейчас вы где?

Пока сестра уговаривала родителей приехать, мой приятель притащил из кухни табуретку и поставил её к двери. Он хотел сам посмотреть, что твориться снаружи. Но сестра его остановила, буквально стащив вниз.

– Не надо, не смотри! Тебе будет страшно, не надо. Мама с папой сейчас у друзей, они приедут утром! Нам надо просто переждать. Если опять кто-то будет стучать, мы вызовем полицию.

И в этот момент в дверь постучали.

– Откройте!

Этот голос за дверью был слишком знакомый, чтобы его спутать. Мой друг тогда ничего не понял, он только осовело смотрел на сестру заплаканными глазами, а она на него.

Наконец она выпрямилась, глубоко выдохнула и... посмотрела в глазок.

Что случилось потом, мой сосед рассказывал уже не так охотно.

Сестра закричала, упала на пол, закрыв руками лицо и буквально забилась в истерике.

Только потом она рассказала, что увидела за дверью. Там был их отец.

Родители действительно были в гостях и вернулись только утром, обнаружив детей, лежащих прямо у двери. Сестра была без сознания, и лицо у неё было в крови – она поранила себе глаза. Её брат лежал рядом с ней, тоже без сознания. Рядом валялась та самая табуретка, которую он притащил.

Конечно, все пацаны спрашивали моего соседа – а сам-то он смотрел в глазок? Он говорил, что смотрел. Но никогда не рассказывал, что там увидел.

Мы все любили страшилки и любили приврать, но эта история меня по-настоящему зацепила. Когда я услышал её в первый раз, я понял, что существуют на свете люди, которые чувствуют то же самое, что и я. И с тех пор я уже не так боялся шагов у своей комнаты, но этот дом навсегда остался у меня в воспоминаниях, как странный дом, как неприятное

место. И было бы логично от него избавиться, но я вот уже несколько лет откладывал это дело.

Сон в ту ночь не шёл. Я всё думал о доме, о том, что я там слышал, или, мне казалось тогда, что я слышал. Я же был всего лишь ребёнком...

Я лежал в своей постели, смотрел то в окно, то на дверь смежной комнаты. В голову лезли байки ребят – моих соседей по деревне. Они что-то говорили о нечистой силе и о том, как надо себя вести, если ненароком с этим встретишься.

Говорили, что мол, если стучатся в дверь, то открывать, по крайней мере самому, ни в коем случае нельзя. Нечисть иначе не пройдет, как если только ты не вступишь её сам. Как бы пока не пригласишь. Пока не дашь ей дорогу. И потому, если кто-то стучится к тебе в дверь и морочит голову – ни в коем случае не открывай. Сначала «оно» попросит вежливо. Потом будет пугать.

Впускать нельзя. Верить нельзя. Бояться нельзя. Когда это нечто поймёт, что ты не боишься, зло отступит. Но пока оно не отступило – оно будет ловить тебя на все крючки, которые только сможет выдумать.

Наутро я встал, как обычно, пошёл на работу, и с облег-

чением обнаружил, что ночью никто не умер. У подъезда на лавке снова сидел тот дедок, с которым я разговаривал накануне. Он мне улыбнулся.

– Здорово, молодёжь!

– Здорово, отец. Как вы?

– Потихоньку. На работу идёшь?

– Ага, – я кивнул и прошёл мимо него, но мне пришлось вернуться, когда он заговорил снова.

– Ты, что ли, комнату открыл-таки?

Я обернулся к деду.

– В смысле? Не открывал я ничего.

Выяснилось, что вчера кто-то видел, как в окне запертой комнаты горел свет.

– Точно там горел? Потому что это бред какой-то. Так комната заперта, я сам проверял.

Старик только плечами пожал.

– Может быть и перепутали. Я слышал просто. Старухи говорят, там свет вчера горел. И кто-то из окна выглядывал.

После этого я шёл на работу и ругался про себя. Кварти-

ра мне определённо не нравилась, а это значило, что снова придётся искать другую на съём.

Вечером мне опять не хотелось возвращаться. Я, впервые за долгое время, снова начал курить. И перед тем, как зайти в подъезд, остановился, чтобы выкурить сигарету и собраться с духом. У меня было дежавю – я чувствовал то же самое, что и своём деревенском доме. Мне казалось, будто кто-то наблюдает за мной из моих же окон, но когда я поднял голову, то никого не увидел.

Хренова квартира. Снова придётся переезжать.

Когда я наконец поднялся к себе, то почувствовал в комнате какой-то затхлый запах. Тот самый запах, как от старых вещей, книг и одежды.

«Ладно, – подумал я про себя, – ладно. Мне нужно переждать ночь, а там свалю к кому-нибудь на время».

Вещи свои я собрал в тот же вечер. Сумку с ноутбуком, документами и небольшой записочкой оставил на столе. Ещё раз проверил дверь в смежную комнату. Она была заперта крепко-накрепко, но как же сильно оттуда тянуло затхлостью!

Открыв окна нараспашку, я лёг спать, пообещав себе, что утром обзвоню друзей и съеду куда-нибудь. С этими мыслями я и уснул, поглядывая на дверь напротив.

Я как будто бы открыл глаза и тут же понял, что это снова сон. Тяжёлый и очень реалистичный сон. Снова первый этаж. Снова та самая, первая покойница и на этот раз мне приходится следовать за ней и наблюдать как бы из-за спины.

Она поднимается на второй этаж и стучит в одну квартиру – ей никто не открывает.

Она стучится в другую. В этой квартире слышны крики, шум скандала. Ей снова не открыли.

И в третьей тоже.

Тогда покойница поднимается выше. Она стучит в квартиру напротив моей. И ей открывают.

Соседка у меня словно бабушка – божий одуванчик. У неё светлые и добрые глаза. Я вижу её и как будто бы сквозь неё.

Покойница молча протягивает ей ковш с водой.

– Зоя, так это не мне! Не сюда, – говорит «Божий одуванчик» и машет рукой в сторону квартиры, где я живу. – Это

туда, туда надо!

Я чувствую, как мне страшно, прямо во сне. Покойница поворачивается и идёт к моей двери. Она стучит ко мне.

Я проснулся от стука в дверь. Настойчивого и громкого. Проснувшись, я заметил, что в квартире, несмотря на открытое окно, все равно очень душно и тянет затхлостью.

Решил полежать и подождать – может, кто-то постучал случайно, что-то перепутал и сейчас уйдёт. Но в следующую секунду кто-то повернул ручку двери и попытался ее открыть.

– Что за хрень, – выругался я и всё-таки встал. Выключатель в комнате не работал, мне пришлось взять смартфон – но и он не включался, хотя зарядка с вечера была полная!

Опять ругнувшись, я положил смартфон на постель и босиком прошёл в прихожую. Там тоже не работал выключатель – видимо, что-то случилось с проводкой.

Наконец я посмотрел в глазок. И чуть не заорал от того, что увидел.

Там, за моей дверью стояла покойница. Та самая, первая женщина, которая умерла. Она приподняла в руках ковшик с водой, мол, смотри, с чем пришла!

– Впусти меня, – сказала она спокойно.

– Нет, уходи! – говорю я и слышу, что голос у меня дрожит, – мне ничего от тебя не надо.

– Впусти меня. – говорит она почти ласково.

– Уходи! – на этот раз я ору. – Пошла вон отсюда!

Мне страшно. Мне по-настоящему страшно, как в детстве.

Ручка двери снова опустилась и снова поднялась вверх.

– Впусти меня! – теперь тон покойницы вкрадчивый и почти угрожающий.

– Прости меня, ладно? – я прижимался прямо к двери, держа ручку со своей стороны и говорил ей. – Я не хотел тебя обижать! А теперь уходи, пожалуйста!

– Впусти!!! – вдруг орёт старуха и я вдруг понимаю, что не могу себя контролировать. Я снова как будто бы во сне, и двигаюсь «через» сон. Я беру ключ и открываю дверь. Пытаюсь себя остановить, и у меня ничего не получается. У меня дрожат руки.

Я говорю себе: «нет, нет, нельзя открывать! Она меня ду-

рит! Нельзя открывать!»... . . .

Но я открываю.

В следующее мгновение всё смазывается, и вот я вижу её перед собой. Нас разделяет порог.

Она протягивает мне ковшик с водой.

– Уходи! – крикнул я в последний раз. И тут она выплеснула воду прямо мне в лицо.

И я наконец проснулся.

То, что я понял молниеносно, когда проснулся, – в квартире пожар. Вокруг был дым, а в прихожей уже полыхало пламя. Я тут же заорал что было глотки: «ПОЖАР!», надеясь, что мой крик разбудит соседей, и принялся собирать вещи. Ноутбук, документы, смартфон – хорошо, что я положил всё это вместе и так близко.

В какой-то момент я понял, что я в квартире не один. Поднял глаза от своих вещей и увидел, что дверь в смежную комнату открыта настежь. И в этой комнате, в дыму, будто бы кто-то стоит.

Я завопил благим матом и пулей выскочил из квартиры, так и не надев штаны, зато прихватив с собой документы

и гаджеты.

Вот, вроде бы, и всё. Эта история закончилась, и, пожалуй, неплохо. Покойная старушка, как оказалось, вовсе не держала на меня зла.

Я спасся. Пожарные приехали очень быстро, но квартира, как ни странно, успела выгореть. При этом, что удивительно, соседи не пострадали совсем.

Мой друг снова выручил меня: подогнал мне пару своих штанов и позволил на пару недель вписаться у него. Я продал дом, взял ипотеку и через несколько месяцев пригласил весь коллектив с работы отметить моё новоселье.

К тому дому я больше не ходил и не знаю, как дело было дальше.

Слышал только, что там ещё год воняло на всю улицу стогревшим старым хламом.

Вувер-кува

Пара моих друзей, как и большинство местной неприкаянной молодёжи, искали быстрых денег.

Только не надо думать про них плохо. Быстрые деньги – это не обязательно наркотики или казино или вообще что-то запрещённое и криминальное.

Просто сейчас столько «заманухи» для тех, кто выпустился из универа и обнаружил, что может устроиться максимум грузчиком или кассиром в какую-нибудь «Четверочку».

Мой друг, экономист, не смог смириться с тем, что в маленьком городе у него нет перспектив. Поехал в большой город. И когда там тоже не выгорело, вернулся домой и неожиданно нашёл здесь какую-то шарашкину контору, где ему пообещали кучу денег. Ну кто же не хочет много бабла, быстро и легально?

«Работа» заключалась в том, чтобы переманивать людей в коммерческий пенсионный фонд. Полная шляпа, короче, но Макс загорелся. Большую часть времени он занимался тем, что просто ходил по квартирам и предлагал, предлагал, предлагал. Очень часто его посылали на три буквы, но мой друг был настырным парнем, так что иногда у него даже появлялись какие-то деньги.

Я говорил, я предупреждал – сейчас не то время, чтобы ходить по квартирам и что-то втюхивать! Ну где можно найти таких лохов, которые пустят к себе в квартиру? Тебе никто не откроет, а если и пустят к себе, то откуда знать, что там не живут какие-нибудь маньяки? Один удар по голове – и ищи тебя потом, где хочешь.

Макс пропал спустя три месяца с тех пор, как устроился. Марина – через месяц после него.

По официальной версии они числились пропавшими без вести. Не умерли, но пропали. Может, ещё живы. Пустая надежда для близких, которая ещё хуже, чем правда.

Это оказалось странно и неприятно – чувствовать, что твои друзья умерли. Совсем не то, когда знаешь, что они просто пропадают на работе или загуляли где-то: Маринка у своего парня, Макс у своей девушки.

Это чувство неожиданное: ты вспоминаешь друга и понимаешь – в живых его уже нет.

Что-то случилось.

– Тел не нашли и не найдут! Может, где-то всплывут

лет через пять, живые или мёртвые, – говорил мой знакомый за кружкой пива. Он был циничным и временами очень злым. Он третий год нормально не высыпался. Работа участкового ему не нравилась. – Может, они вообще вместе куда-нибудь укатили. Любовь у них, может.

– Да не, это все фигня, – отмахивался я, пытаюсь подвести разговор к тому, о чем я думал последние две недели.

Я пригласил его в недорогую забегаловку, с просьбой помочь, и теперь угощал его шаурмой и пивом. Он устало шевелил челюстями и временами смотрел не на меня, а куда-то в одну точку за моей спиной.

– Я разговаривал с родителями и Макса, и Маринки. – продолжал я. – Родители говорят, что им менты сказали, будто они оба последний раз по работе были в одном и том же доме. Знаешь трёхэтажку на Прохорова? Рядом с бараками? Вон там, короче.

– Кто-кто им сказал? – мой приятель сурово посмотрел на меня, а я осекся.

– Полицейские. Ну, твои товарищи. Ну, ты понял.

– Понял я, понял, – мрачно сказал участковый и многозначительно посмотрел на свою пустую пивную кружку.

Я заказал ему ещё.

– Последний раз они были в этом доме, а потом следы обрываются, понимаешь? И это с перерывом в один месяц! Совпадение? Не думаю.

Мой приятель рассмеялся.

– Ещё скажи, что они в полнолуние пропадали!

Он засмеялся ещё сильнее, увидев, как я изменился в лице. Нет, такие вещи, про луну, я не проверял. Но я был готов проверить и поверить во всё что угодно, и по мне, похоже, это было заметно.

– Детектив хренов? – заключил мой приятель, перестав смеяться.

– Я просто тут подумал...

– Слушай, ну ты чего от меня хочешь, а? – участковый заговорил тихо, но так резко и грубо, что мне казалось, будто он орёт на меня. – Ты зачем меня позвал? Я, блин, на работе как собака заколебался, понимаешь? А тут ты ещё со своими мутными делами! Этим не участковые занимаются, а уголовка.

В какой-то момент приятель перестал замечать меня и заговорил как будто сам с собой.

– Вот у меня друга перевели в уголовный отдел, так теперь

горя не знает. По крайней мере высыпается. Иногда. И зарплата хорошая – квартиру взял...

Он говорил и смотрел в окно отрешённым взглядом. Его переполняла усталость и жалость к себе, и я не мог его за это винить.

– Да мне бы только в тот дом попасть, посмотреть, что за люди там живут. Вдруг и найдем там кого-нибудь подозрительного.

– Наши ребята всех подозрительных вздрючили бы уже. А ты типа герой. Всех подозрительных сейчас на чистую воду, ага?

Он посмотрел на меня с усмешкой напололам с печалью. Так или иначе, но я его уломал.

Когда мы подошли к тому дому, уже темнело. Участковый пил кофе из своего термоса.

– Ну и чё? Каков план, герой?

А плана не было.

Все свелось к тому, что мы обошли несколько квартир по дурацкой причине: типа проверить, всё ли в порядке.

Мол, недавно же в этом районе люди пропали. Мол, ничего странного не замечали?

Мой приятель был недоволен и мрачнел с каждой минутой.

Я сам был одет по-граждански, и люди, вежливо улыбающиеся участковому, тут же с недоверием разглядывали меня. Естественно, мы вызывали подозрения.

– Все это на балаган похоже, – сказал он мне на улице, когда мы пошли во второй подъезд. Там нам практически никто не открыл. Добравшись до третьего этажа, мы по очереди постучались во все три квартиры и уже хотели было спускаться, как одна из дверей открылась.

На пороге своей квартиры стояла старуха, такая дряхлая, тощая и седая – вот-вот отойдет в мир иной. На ней было простое ситцевое платье, ветхое и бледное, наверное, тысячу раз уже застиранное.

– Чого надо, милоч? – спросила она, глядя бесцветными глазами на участкового.

Старое поколение – ответственное, не то что молодёжь. Несмотря на то, что я сам – молодёжь, я честно об этом говорю.

В остальных квартирах в этом подъезде нам не открыли, хотя снаружи дома мы заметили свет в окнах этих квартир. Значит, там кто-то был. И значит, жильцы, даже увидев в дверном глазке полицейского, решили сделать вид, что ничего не слышали и решили затихариться.

А эта бабка, хоть и еле передвигала ноги, сочла своим долгом открыть полиции. Впрочем, может ей просто захотелось с кем-нибудь поговорить?

В общем, она была настолько дружелюбна, так настойчиво приглашала нас обоих, что мы решили уважить старуху и посидеть с ней минут пятнадцать.

В квартире все было старомодно, чисто и очень-очень бедно.

Старая полированная советская стенка в единственной комнате. Старый диван.

На кухне так же просто и чисто, на окнах кружевные занавески. На стенах выцветшие и местами пожелтевшие обои в мелкий цветочек, сразу видно – не переклеивались лет двадцать. Впрочем, всё здесь казалось выцветшим и пожелтевшим, из-за света дешёвых лампочек. Во всей квартире ощу-

щался едва заметный запах сырых тряпок и нафталина. Запах старости.

Мы зашли на крохотную кухню: стол, пара табуреток, почерневшая газовая плита. На старом холодильнике типа «Свияжск» куча каких-то магнетиков и прямоугольных наклеек, которые модно было собирать в девяностые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.